

«ДОН-КИХОТ» В РОМАНЕ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО О «ПОЛОЖИТЕЛЬНО-ПРЕКРАСНОМ ЧЕЛОВЕКЕ». ("Don Quijote" en la novela de F. M. Dostoevski "Sobre el hombre maravilloso")

О.А. Хромова

Удмуртский государственный университет (Россия)

O.A. Jromova

Universidad Estatal de Udmurtia (Rusia)

ISSN: 1698-322X

Cuadernos de Rusística Española N° 6 (2010), 189-192

ABSTRACT

The image of Don Quixote influenced very strong on the Russian literature about 19-20 centuries. In this article we could find a comparison between two images: Don Quixote (by Miguel de Cervantes) and prince Myshkin (by F.M.Dostoevsky «Idiot») on level of names, inner characteristics of heroes, plot of romances and message of texts. «Don Quixote» by Cervantes is considered as precedent text for «Idiot». It is one of prototype for the «positive-beauty» prince Myshkin.

Key words: poor knight, positive-beauty man, kindness, love.

РЕЗЮМЕ

Образ Дон Кихота оказал большое влияние на всю русскую литературу 19-20 веков. В данной статье мы находим сравнение между образами Дон Кихота (из одноименного романа Сервантеса) и князя Мышкина (из романа Ф.М.Достоевского «Идиот») на уровне имен, внутренних характеристик героев, сюжета романов и в целом идеи произведений. «Дон Кихот» Сервантеса рассматривается в качестве прецедентного текста по отношению к роману «Идиот». Это один из прообразов «положительно-прекрасного» князя Мышкина.

Ключевые слова: бедный рыцарь, доброта, любовь.

Образ Дон-Кихота оказал большое влияние на всю русскую литературу 19-20 веков, к нему обращались А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, А.П.Платонов. Он пополнил ряд образов мировой культуры, активно осваиваемых русской литературой: Дон-Кихот, Гамлет, Фауст, Христос.

Достоевский смотрел на «Дон-Кихота» конечно же не как на сатиру на рыцарские романы. Комический эффект романа Сервантеса возникает из несоответствия реальности и бредовых действий Дон-Кихота, неверно ее воспринимающего. Одновременно, соприкасаясь с действительностью, осмеянный герой, как лакмус, проявляет и разоблачает окружающую его среду. Эту схему Достоевский использует для создания своих образов «вполне прекрасных людей». Для его творчества характерно обращение к сюжетам, уже разработанным мировой литературой, однако наполняемым им новым содержанием. Для него действия Дон-Кихота - прекрасны, а окружающая действительность отвратительна. Герой не осмеивается, а возвеличивается. «Является сострадание к осмеянному и не знающему себе цены прекрасному - а стало быть является симпатия и в читателе .»

Дон-Кихот служит одним из образцов для написания “истинно прекрасного человека” князя Мышкина в “Идиоте”. Добрый прекрасный нравственный герой противостоит среде, живущей по антинравственным формализованным законам. Однако между Мышкиным и Дон-Кихотом есть ряд важных отличий. Мышкин не бредит, как Дон-Кихот, непонимающий истинный смысл происходящих событий, он делает все сознательно, оценивая людей и последствия своих поступков. Он сохраняет “голубиное сердце” Дон-Кихота, но в отличие от него не вооружен, борется не мечом, а сердцем. Нравственный герой аккумулирует в себе лучшие качества: смирение, кротость, чуткость, доброту, христианскую любовь, активно-бескорыстное служение людям, безраздельную самоотдачу, жертвенное начало и мученический ореол.

Исследователи отмечают, что прообразами Мышкина наряду с Дон-Кихотом выступают и принц западной сказки, и Иван-царевич, и Чацкий, и Орфей, и сам Христос. Именно такой герой может стать нравственным идеалом. А мягкий и легкий комизм, присущий ему, - не элемент обличения, а обязательное условие “прекрасного человека”, который не должен осознавать себя прекрасным. “...он прекрасен единственно потому, что в тоже время и смешон.” Осознание себя прекрасным лишило бы его нимба. Как и у Дон-Кихота, у Мышкина есть своя Дульсинея, которую надо расколдовать, - Настасья Филипповна, образ такой же сложный и составной. Несмотря на трагичность финала романа в образе князя-ребенка с большими голубыми и пристальными глазами Достоевский попытался нарисовать нравственный ориентир, к которому можно было бы духовно стремиться.

В художественном времени романа между событиями первой и второй части проходит шесть месяцев, в течение которых разворачиваются напряженные и мучительные отношения между Мышкиным, Настасьей Филипповной и Рогожиным, Мышкин пишет письмо Аглае Епанчиной, которое та расценивает как «любовное», «вспыхивает», читая его, и прячет между страницами романа «Дон Кихот». Так в роман входит образ Рыцаря Печального Образа, созданный Сервантесом.

И в самом начале второй части романа появляется другой образ – «рыцаря бедного» из знаменитого пушкинского стихотворения (в котором главной темой тоже является попытка низведения Небес на землю и последствия этого). Вскоре по возвращении князя следует знаменитая сцена чтения Аглаей пушкинской баллады в присутствии самого Мышкина и всех Епанчиных, когда она с нарочитым вызовом заменяет буквы AMD (Ave Mater Dei) на щите пушкинского рыцаря буквами НФБ (Настасья Филипповна Барашкова), заявляя при этом, что «рыцарь бедный» – «тот же Дон Кихот, только серьезный, а не комический» (кстати, в этой сцене возникает и аббревиатура AND (Ave Notre Dame), что обычно объясняют ошибкой памяти Достоевского, вспомнившего в тот момент о романе Гюго, но мне видится другое объяснение – именно во времена «рыцаря бедного» на Западе почитание Богородицы все более сменялось почитанием Notre Dame, нашей Дамы, нашей Госпожи; был и реальный рыцарь-монах Бернард Клервосский, избравший своей Прекрасной Дамой Деву Марию; кроме того, как известно, специалисты ищут и находят источники пушкинского сюжета в средневековой западной литературе):

Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,

С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой.
Он имел одно виденье,
Непостижное уму, -
И глубоко впечатленье
В сердце врезалось ему,
С той поры, сгорев душою,
Он на женщин не смотрел,
Он до гроба ни с одною
Молвить слова не хотел.
Он себе на шею четки
Вместо шарфа навязал,
И с лица стальной решетки
Ни пред кем не подымал.
Полон чистою любовью,
Верен сладостной мечте,
Н.Ф.Б. свою кровью
Начертал он на щите.
И в пустынях Палестины,
Между тем как по скалам
Мчались в битву паладины,
Именуя громко дам,
Lumen coeli, sancta Rosa!
Восклицал он, дик и рьян,
И как гром его угроза
Поражала мусульман.
Возвратясь в свой замок дальний,
Жил он, строго заключен,
Все безмолвный, все печальный,
Как безумец умер он.

Таким образом, Аглая напрямую связывает между собой Дон Кихота и «рыцаря бедного» и фактически нарекает князя этими двумя новыми именами. Чуть раньше связь Мышкина с пушкинским рыцарем *незаметно* подчеркивает и автор, называя своего героя «бедный князь Мышкин». Характерно, что тут же к Мышкину относятся слова «как бы с неба упал» (сравните с тем, как подается его появление в первой части – «точно Бог послал»). «Рыцарем бедным» позже называют князя и другие персонажи.

В отличие от Мышкина Дон Кихот не уходит из жизни в безумии. Перенесенные испытания дали ему возможность одержать самую трудную из его побед – победу над самим собой. Проснувшись после долгого, похожего на смерть сна у себя дома, он возвращает себе свое подлинное имя, которое мы только сейчас узнаем – Алонсо Кихано Добрый, и уходит из жизни в мире, покое и любви.

И не случайно сразу после завершения работы над романом «Идиот» Достоевский начинает разрабатывать замысел, названный им «Атеизм», герой которого примерно в возрасте Дон Кихота отправляется на поиски утерянной им веры в Бога и затем мучительно обретает эту веру.

Также следует отметить, что в период работы над романом писатель в письме к С. А. Ивановой от 1 /13/ января 1868 г. из Женевы утверждал: «Упомяну только, что из прекрасных лиц в литературе христианской стоит всего законченнее Дон Кихот...» В «Дневнике писателя» (1877, сент., гл. 2) Достоевский с убежденностью писал о романе Сервантеса: «Эту самую *грустную* из книг не забудет взять с собою человек на последний суд Божий...». Слова эти станут понятнее, если вспомнить высказывание Достоевского из ДП за март 1876 г. (гл. 2): «Во всём мире нет глубже и сильнее этого сочинения. Это пока последнее и величайшее слово человеческой мысли, это самая горькая ирония, которую только мог выразить человек, и если б кончилась земля, и спросили там, где-нибудь, людей: “Что вы, поняли ли вашу жизнь на земле и что об ней заключили?” — то человек мог бы молча подать Дон-Кихота: “Вот моё заключение о жизни и — можете ли вы за него осудить меня?”...».

Итак, мы рассмотрели образ Дон-Кихота в романе «Идиот», а также во всем контексте творчества Достоевского (помимо романа этот образ находит свое отражение и в самом зрелом и вершинном произведении – «Дневник писателя») и обнаружили едва ли не полную тождественность образа «положительно-прекрасного» человека в романе Достоевского и, цитируя самого Достоевского, «прекрасного лица», созданного Сервантесом.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ДОСТОЕВСКИЙ, Ф.М. (1976): Идиот. Художественная литература. Москва.
ДОСТОЕВСКИЙ, Ф.М. (2005): Дневник писателя. Азбука. Санкт – Петербург.
СЕРВАНТЕС (1989): Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский. Правда. Москва.